

• ШАРЛЬ ПЕРРО • ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ •
• ВИЛЬГЕЛЬМ И ЯКОБ ГРИММ •

СКАЗКИ ДЛЯ САМЫХ ХРАБРЫХ

**Якоб и Вильгельм Гримм
Шарль Перро
Вильгельм Гауф
Сказки для самых храбрых**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4602570
Сказки для самых храбрых: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-42863-0*

Аннотация

Этот сборник получил свое название неслучайно: в него вошли самые страшные сказки, написанные знаменитыми сказочниками Шарлем Перро, Вильгельмом и Якобом Гримм, Вильгельмом Гауфом.

Научиться преодолевать страх и оставаться всегда добрым, сострадательным должна помочь детям эта книга.

Содержание

Шарль Перро	6
Мальчик-с-Пальчик	6
Синяя Борода	19
Вильгельм и Якоб Гримм	26
Сказка о том, кто ходил страху учиться	26
Двенадцать братьев	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Шарль Перро, Вильгельм и Якоб Гримм, Вильгельм Гауф Сказки для самых храбрых

Шарль Перро

Мальчик-с-Пальчик

Жили-были дровосек с дровосечихой, и было у них семеро детей, все семеро сыновья. Самому старшему было десять лет, самому младшему – семь. Они были очень бедны, и семеро детей были им в тягость, потому что ни один из ребятишек не мог еще ходить на заработки. Еще огорчало их то, что самый младший был очень деликатного сложения и все молчал. Они считали его дурачком, ибо принимали за глупость то, что, напротив, доказывало ум. Этот младший был очень маленького роста. Когда он родился на свет, весь-то он был не больше пальца. Оттого и прозвали его Мальчик-с-Пальчик. Бедняжка был в немилости у всего дома и всегда во всем без вины виноват. Но при этом он был самый рассудительный, самый смысленый из всех братьев: говорил мало, зато много слушал.

И вот как-то случился неурожайный год и настал такой голод, что эти бедняки решились бросить своих детей.

Раз вечером, уложив их спать, греется дровосек с женой у огня и говорит ей, а у самого сердце так и ноет:

– Жена, мы больше не в состоянии прокормить ребятишек. Я не вынесу, если они на наших глазах умрут с голоду. Возьмем их завтра, поведем в лес и там бросим: пока они будут играть, собирая хворост, мы потихоньку уйдем.

– Ах, – вскричала дровосечиха, – не стыдно ли тебе замышлять погибель своих родных детей?!

Муж принялся уговаривать жену, представляя, в какой они находятся нищете, но та не соглашалась, ибо хотя находилась она и в бедности, но была матерью своим детям. Однако сообразив, как ей будет горестно, если они все умрут с голоду перед ее глазами, наконец согласилась и вся заплаканная легла спать.

Между тем Мальчик-с-Пальчик, заслышав со своей кровати, что отец с матерью толкуют о чем-то важном, потихоньку встал и спрятался под скамейку, откуда все и слышал.

Улегшись опять в постель, он всю ночь не смыкал глаз, все раздумывал, что теперь следует делать. Утром он встал ранехонько, пошел к реке, набил карманы маленькими белыми камешками и потом возвратился домой.

Вскоре отправились в лес. Мальчик-с-Пальчик ничего не рассказал братьям из того, что знал.

Зашли они в лес дремучий, где за десять шагов не видать друг друга. Дровосек начал рубить деревья, дети – собирать хворост. Когда они углубились в свою работу, отец с матерью понемножку отошли от них и потом вдруг убежали по дорожке, которую только они и знали. Оставшись одни, дети раскричались и расплакались. Мальчик-с-Пальчик не мешал им: он знал, как возвратиться домой, ибо, идучи в лес, всю дорогу бросал из карманов маленькие белые камешки. Потому он и сказал им:

– Не бойтесь, братцы! Отец с матерью нас бросили, а я вас домой приведу; только идите за мной.

Все пошли за ним, и Мальчик-с-Пальчик привел их домой той самой дорогой, по которой они отправились в лес. Сразу войти в избу дети побоялись, поэтому прислонились все к двери и стали слушать, о чем говорят отец с матерью.

А надобно знать, что как раз в то время, когда дровосек с дровосечихой возвратились из леса домой, помещик того села прислал им десять рублей, которые с давних пор был им должен и на которые они уже махнули рукой. Это их и спасло, ибо бедняки уже совсем умирали с голоду.

Дровосек тотчас послал жену в мясную лавку. Поскольку они давно уже ничего не ели, жена купила втрое больше мяса, чем нужно для двух человек.

Покушав вволю, дровосечиха и говорит:

– Ах, где-то теперь наши бедные детки? Как бы они славно поели остатков! А все мы, Иван, мы всему причина! Ведь говорила я тебе, что будем после плакать! Ну, что они теперь делают в этом дремучем лесу? Ах, Боже мой, может быть, их уже съели волки! И как у тебя духу хватило загубить своих родных детей?

Дровосек в конце концов рассердился, ибо жена раз двадцать повторила, что он будет раскаиваться и что она его предупреждала. Дровосек пригрозил, что поколотит ее, если она не перестанет.

Он и сам досадовал, быть может, еще сильнее жены, но она ему надоела своими попреками. Дровосек, подобно многим другим людям, любил спрашивать совета, но терпеть не мог, чтоб ему кололи глаза теми советами, которых он не послушал.

Дровосечиха так и разливалась слезами.

– Господи, – плакала она, – где теперь мои детки, где мои бедные детки?

И наконец проговорила эти слова так громко, что дети, стоявшие у дверей, услышали ее и разом закричали:

– Мы здесь! Мы здесь!

Дровосечиха бросилась открывать им двери и воскликнула:

– Как я рада вас видеть, мои милые детки! Вы, должно быть, очень устали и крепко проголодались. А ты, Петруша, как ты перепачкался! Дай, я тебя умою.

Петруша был старшим сыном, которого она любила больше всех, потому что он был рыжеват, и она сама была немножко рыжа. Дети сели за стол и поужинали с аппетитом, что доставило отцу с матерью большое удовольствие. Потом они описали, как им было страшно в лесу, рассказывая об этом почти все разом.

Добрые люди не могли нарадоваться возвращению своих детей, и радость их продолжалась до тех пор, пока не истратились деньги. Но когда десять рублей ушли на издержки, дровосеком с дровосечихой овладело прежнее горе, и они решили опять бросить детей, а чтобы в этот раз не промахнуться – завести их подальше прежнего.

Как они секретно об этом ни переговаривались, однако Мальчик-с-Пальчик их подслушал. Он надеялся поступить так же, как в первый раз, но хоть и встал рано-ранешенько, белых камешков не смог набрать, ибо двери в избе оказались заперты на ключ.

Мальчик-с-Пальчик все еще раздумывал, что делать, когда мать раздала детям по куску хлеба на завтрак. Тут ему пришло в голову, что можно употребить хлеб вместо камешков и разбросать его дорогой по крошкам. С такой мыслью он спрятал хлеб в карман.

Отец с матерью завели детей в самую густую, самую непроходимую чащу дремучего леса и, как только там очутились, бросили их, а сами ушли не приметной дорожкой.

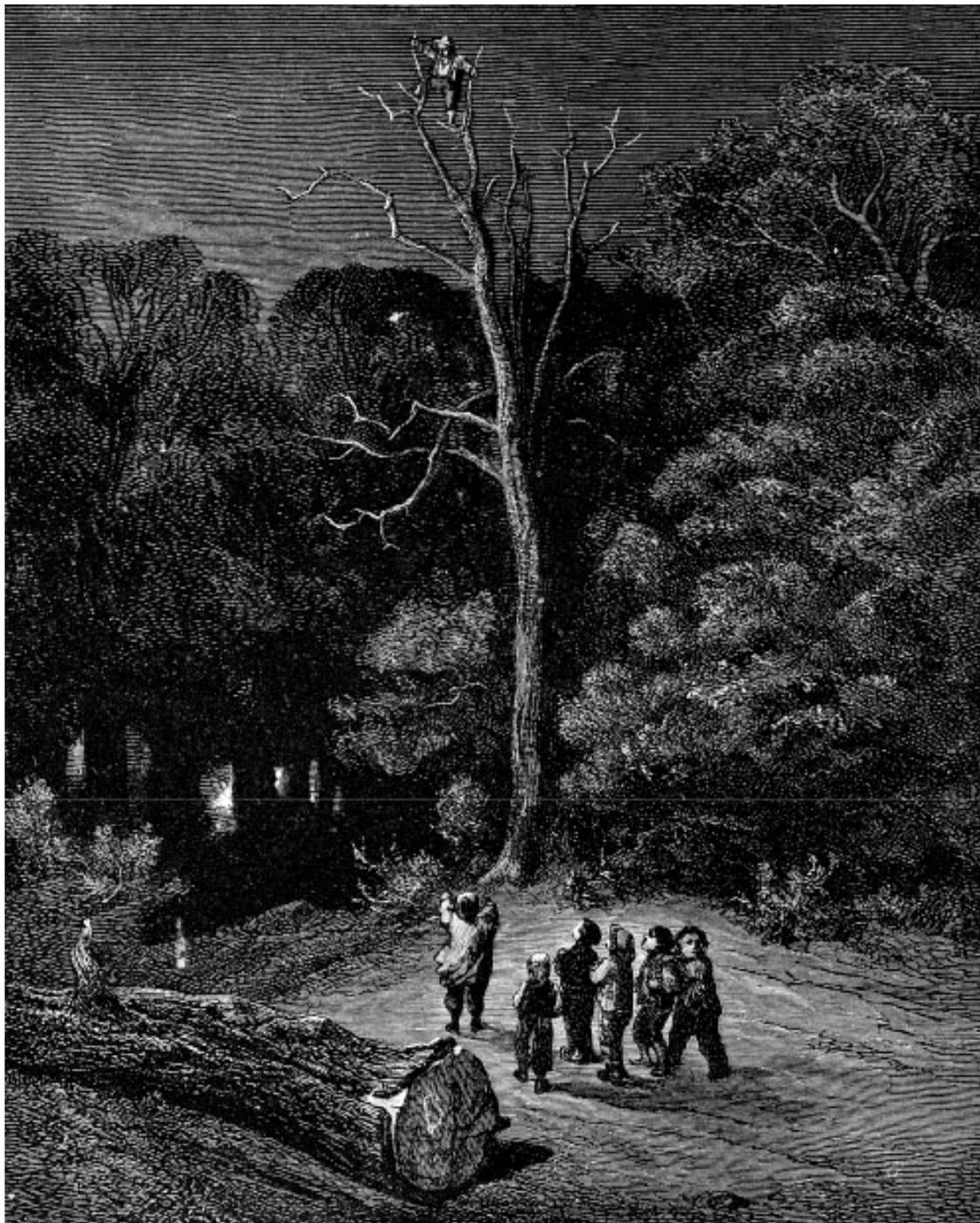
Мальчик-с-Пальчик не слишком-то опечалился, ибо надеялся легко найти дорогу по крошкам хлеба, которые он везде рассыпал. Но как же он удивился, когда, начав искать, не нашел нигде ни одной крошки! Птицы мимо летели, да все и съели.

Попали дети в беду.

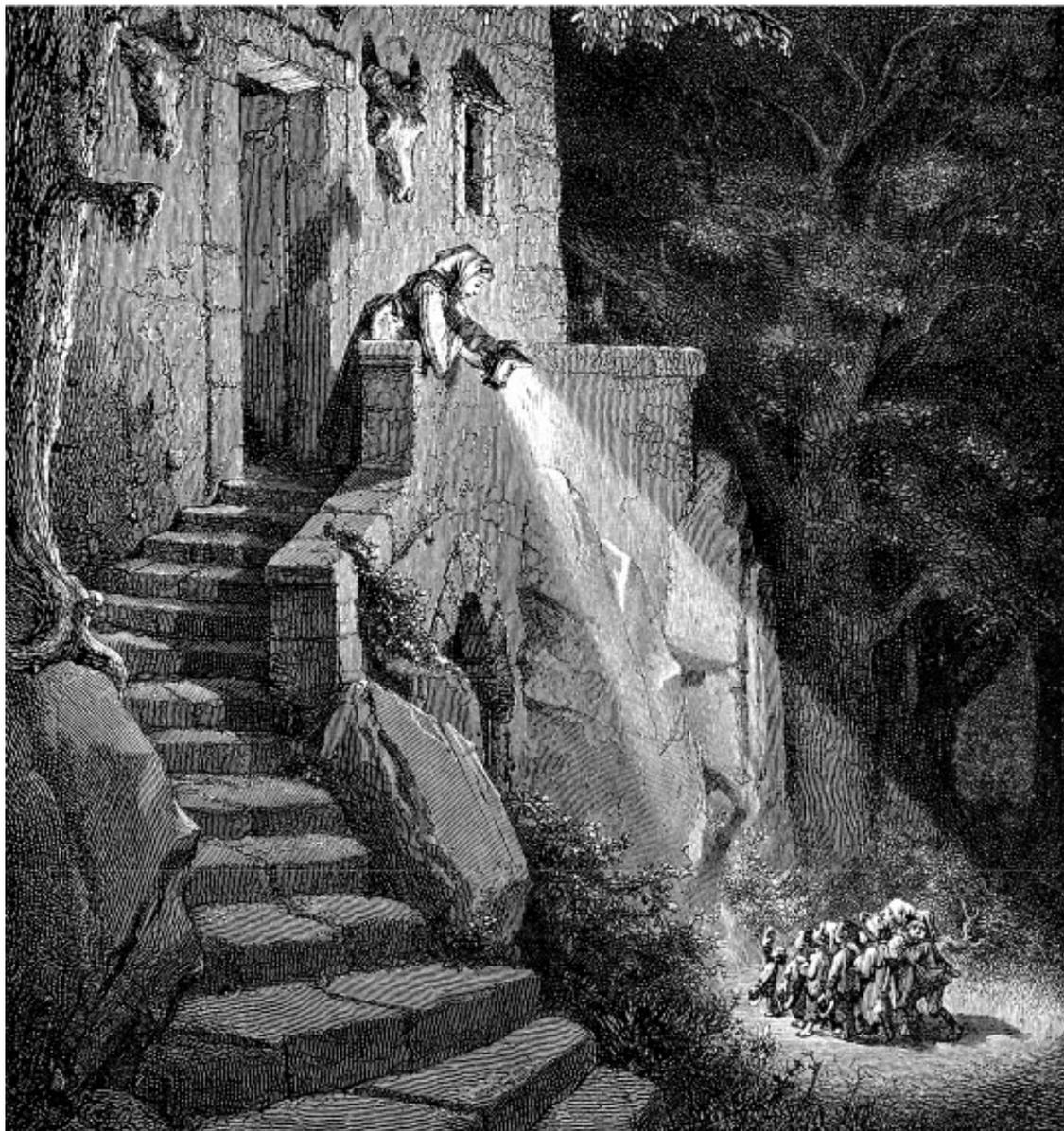
Чем больше они продирались сквозь лес, тем больше плутали, тем больше уходили в чащу. Настала ночь, поднялся сильный ветер и навел на них страшный ужас. Чудилось им, что со всех сторон воют и бросаются на них волки. Они не смели ни слова произнести, ни повернуть голову.

Потом хлынул сильнейший проливной дождь и промочил их до костей. На каждом шагу они спотыкались, падали в грязь, а поднявшись, не знали, куда деться со своими перепачканными руками.

Мальчик-с-Пальчик влез на дерево посмотреть, нет ли вблизи жилья человеческого. Смотрит он во все стороны и видит – как будто свеча светится, но далеко-далеко за лесом. Пошли дети в ту сторону, откуда виднелся свет. Наконец они дошли до домика, где свет горел, – дошли не без труда, ибо свет исчезал из виду всякий раз, как они попадали в какую-нибудь трущобу.

Постучались дети в двери. Вышла женщина, спросила, что им нужно. Мальчик-с-Пальчик ответил, что так и так, они – бедные дети, заблудились в лесу, просят приютить их Христа ради.

Увидав, какие они все маленькие, женщина заплакала и говорит им:

– Ах, детки мои бедные, куда это вас занесло! Да знаете ли вы, что здесь живет Людоед? Он вас съест!

– Ах, сударыня, – ответил Мальчик-с-Пальчик, дрожа всем телом, и братья его тоже дрожали, – как же нам быть? Ведь если вы нас прогоните, нас все равно заедят в лесу волки! Так пусть уж скушает нас ваш супруг. Да он, быть может, и смилуется над нами, если вы его хорошенько попросите.

Женщина, понадеявшись, что ей удастся спрятать детей от мужа, впустила их и посадила греться к огню, где целый баран жарился на вертеле на ужин Людоеду.

Едва дети начали согреваться, как послышался громкий стук в двери: Людоед возвращался домой. Жена тотчас же спрятала всех под кровать и пошла отворять двери.

Людоед спросил жену, готов ли ужин и нацежено ли вино, потом сел за стол. Баран еще не дожарился, был весь в крови, но от этого показался ему еще вкуснее.

Вдруг Людоед начал нюхать направо и налево, почуяв запах человеческого мяса...

– Это, должно быть, пахнет вот тот теленок, – ответила жена, – я сейчас только сняла с него шкуру.

– Говорят тебе, слышу запах человеческого мяса, – продолжал стоять на своем Людоед, искоса поглядывая на жену. – Здесь кто-то есть.

С этими словами он встал и прямо подошел к кровати.

– А! – завопил он. – Так вот как ты меня обманываешь, проклятая баба! Вот я возьму да тебя саму съем! Счастье твое, что ты уже старая! Э-ге-ге, кстати подошла эта дичинка: будет чем угостить приятелей, которых я зазвал к себе на днях отобедать.

И, одного за другим, он вытащил детей из-под кровати.

Дети бросились на колени, стали просить пощады, но они попали в руки самому злому из всех Людоедов, который не имел жалости и уже пожирал их глазами, приговаривая, что под хорошим соусом это будут лакомые кусочки...

Он уже взял было большой нож и, подойдя к детям, стал точить его на длинном точильном камне...

Он уже схватил было одного, как тут вмешалась его жена.

– Чего ты торопишься? – заговорила она. – Ведь уже поздно. Разве не будет времени завтра?

– Молчи! – крикнул Людоед. – Я хочу сегодня, чтоб им было досадней.

– Да ведь мяса у нас есть еще целый ворох, – продолжала жена, – смотри: вот теленок, два барана, полсвиньи...

– Правда твоя, – ответил Людоед. – Ну, так накорми их вплотную, чтобы не исхудали, и уложи спать.

Добрая женщина, вне себя от радости, подала детям отличный ужин, но желудок у них не принимал пищи, до того они перепугались.

А сам Людоед принялся тянуть вино, в восторге, что угостит приятелей на славу. И хватил он стаканов на двенадцать больше обыкновенного, так что голова у него несколько закружилась, и он отправился спать.

У Людоеда было семь дочерей, еще в ребяческом возрасте.

Эти маленькие людоедки имели прекрасный цвет лица, потому что питались человеческим мясом в подражание папаше. Глаза у них были чуть заметные, серые, круглые; нос крючком, рот – непомерной величины с длинными, острыми, редкими зубами. Они были еще не очень злыми, но уже показывали свирепый характер, ибо кусали маленьких детей и пили их кровь.

Их уложили спать спозаранку. Все семеро лежали на большой кровати, и у каждой был на голове золотой веночек.

В той же самой комнате стояла другая кровать, таких же размеров. На эту-то кровать жена Людоеда и положила семерых мальчиков, после чего сама отправилась спать к своему мужу.

Мальчик-с-Пальчик опасался, что Людоед их зарежет. Поэтому он взял да и поднялся посреди ночи, снял с братьев и со своей головы ночные шапочки, снял также потихоньку золотые венки с дочерей Людоеда и надел им на головы шапочки, а себе и братьям – венки для того, чтобы Людоед принял мальчиков за своих дочерей, а дочерей своих – за мальчиков, которых он хотел съесть.

Все случилось так, как он рассчитывал.

Людоед проснулся и стал жалеть о том, что отложил на завтра то, что мог сделать сегодня.

Он соскочил с кровати и, схватив большой нож, сказал:

– А посмотрим-ка, что поделявают наши мальчуганы. Нечего тут церемониться: надо перерезать их сейчас же.

Пробрался он ощупью в комнату своих дочерей и подошел к кровати, где были мальчики.

Нащупав на их головах золотые венки, Людоед сказал:

– Ну вот! Чуть было не наделал глупостей! Должно быть, я вечером лишнее выпил.

И он отправился к кровати своих дочерей. Нащупав шапочки детей дровосека, он сказал:

– А, вот где мои молодцы.

И с этими словами он, не задумываясь, перерезал горло своим семерым дочерям...

Потом, довольный своим подвигом, Людоед пошел спать.

Как только Мальчик-с-Пальчик услышал, что Людоед захрапел, он тотчас же разбудил братьев и приказал скорей одеваться и идти за ним. Они вышли потихоньку в сад, перескочили через стену и целую ночь бежали куда глаза глядят, дрожа всем телом.

Проснувшись, Людоед говорит жене:

– Ступай наверх, убери вчерашних мальчуганов.

Людоедку удивила такая заботливость, ибо, не поняв, в каком именно смысле муж приказывает ей убрать детей, она подумала, что это значит приодеть их. Поднялась она наверх и с изумлением видит, что все семеро дочерей зарезаны. Она упала в обморок.

Людоед, удивившись, что жена возится слишком долго, тоже пошел наверх помочь ей. И он изумился не меньше жены при виде страшного зрелища.

– Ах, что я наделал! – вскричал он. – Доберусь же я до этих мерзавцев, да сию же минуту! Давай мне, жена, скорее семимильные сапоги, пойду догонять мальчишек.

Побежал он. Порыскал то там, то сям и, наконец, попал на дорогу, по которой шли бедные дети. А им оставалось всего шагов сто до отцовского дома!

Видят они – летит Людоед с горки на горку, перепрыгивая через большие реки, точно через маленькие канавки...

Мальчик-с-Пальчик заметил неподалеку пещеру, спрятал в нее братьев и сам туда забился; сидит и смотрит, что станет делать Людоед. А Людоед устал от напрасной беготни (ибо семимильные сапоги очень утомляют человека), захотел отдохнуть и присел как раз на ту самую скалу, под которой спрятались мальчишки. Он совсем выбился из сил, а потому через несколько минут заснул и принялся так ужасно храпеть, что бедным детям стало еще страшнее, чем тогда, когда он грозил им своим большим ножом.

Однако Мальчик-с-Пальчик не потерял головы. Он сказал братьям, чтобы, пока Людоед спит, они бежали скорее домой, а о нем не беспокоились. Братья послушались совета и живо побежали от страшного места.

А Мальчик-с-Пальчик подкрался к Людоеду, потихоньку стащил с него сапоги и надел их на себя.

Эти сапоги были очень большие и очень широкие, но они были волшебными, поэтому увеличивались или уменьшались, смотря по тому, на какую ногу их надевали, так что Мальчику-с-Пальчику они пришлось как раз впору, точно их заказывали по его меркам.

Мальчик-с-Пальчик пошел прямо к дому Людоеда, где жена его все плакала над своими зарезанными дочерьми.

– Ваш супруг, – сказал ей Мальчик-с-Пальчик, – находится в большой опасности. На него напали разбойники и грозят убить его, если он не отдаст им все свое золото и все свое серебро. Они уже начали было его резать, но он увидел меня и попросил известить вас о его несчастье да сказать, чтобы вы дали мне все, что есть ценного в доме, не жалея ничего, ибо в противном случае разбойники убьют его без милосердия. Так как время не терпит, он надел на меня вот эти свои семимильные сапоги, чтобы дело сделалось скорее, а также чтобы вы не сочли меня за обманщика.

Бедная женщина перепугалась и отдала все, что имела.

Забрав все сокровища Людоеда, Мальчик-с-Пальчик возвратился домой, где его встретили с большой радостью.

Историки не согласны между собой относительно этого последнего обстоятельства. Некоторые из них утверждают, что Мальчик-с-Пальчик никогда не обкрадывал Людоеда, а взял у него лишь семимильные сапоги, да и то только потому, что сапоги служили Людоеду для погони за маленькими детьми...

Эти историки уверяют, что хорошо знают обо всем, ибо им случалось и есть, и пить у дровосека. Они уверяют также, что, надев людоедские сапоги, Мальчик-с-Пальчик отправился к королевскому двору, где тогда очень беспокоились об участии армии, находившейся за тысячу верст от столицы, и об исходе сражения, которое должно было произойти. Мальчик-с-Пальчик, говорят эти историки, явился к королю и объявил, что, если угодно, он к

вечеру принесет известия из армии. Король пообещал ему много денег, если он исполнит поручение к сроку.

К вечеру Мальчик-с-Пальчик принес долгожданные известия. С этой поры он стал хорошо зарабатывать, ибо король щедро платил ему за выполненные поручения, да кроме того он получал деньги от дам за известия от их женихов. Это в особенности доставляло ему большие барыши. Правда, иногда и жены посылали его с письмами к своим мужьям, но они платили так дешево, что Мальчик-с-Пальчик не хотел и считать эти суммы.

Пробыв некоторое время гонцом и нажив большое состояние, он возвратился домой, где его встретили с такой радостью, что и вообразить нельзя.

Мальчик-с-Пальчик обеспечил всю семью. Он позаботился о том, чтобы отцу дали хорошее место, братьям тоже, и таким образом всех их пристроил. Да и сам получил придворную должность.

Синяя Борода

Жил-был однажды человек, у которого водилось множество всякого добра: были у него прекрасные дома в городе и за городом, золотая и серебряная посуда, шитые кресла и позолоченные кареты, но, к несчастью, борода у этого человека была синяя, и эта борода придавала ему такой безобразный и грозный вид, что все девушки и женщины при виде его старались поскорее унести свои ноги.

У одной из его соседок, дамы происхождения благородного, были две дочери, красавицы совершенные. Он посватался за одну из них, не определив, за какую именно, а предоставив самой матери выбрать ему невесту. Но ни та, ни другая дочь не соглашалась быть его женой: они не могли решиться выйти за человека, у которого борода была синяя, и только перекорялись между собой, отсылая его друг дружке. Их смущало еще то обстоятельство, что он имел уже несколько жен и никто на свете не знал, что с ними случилось.

Синяя Борода, желая дать сестрам возможность узнать его получше, повез их вместе с матерью, тремя – четырьмя самыми близкими их приятельницами и несколькими молодыми людьми в один из своих загородных домов, где и провел с ними целую неделю.

Гости гуляли, ездили на охоту, на рыбную ловлю; пляски и пиры не прекращались; сна по ночам и в помине не было; всякий потешался, придумывал забавные шалости и шутки. Словом, всем было так хорошо и весело, что младшая из дочерей вскоре пришла к тому убеждению, что у хозяина борода вовсе не такая уж синяя и что он очень любезный и приятный кавалер. Как только все вернулись обратно в город, тотчас же свадьбу и сыграли.

По прошествии месяца Синяя Борода сказал своей жене, что он принужден отлучиться, по меньшей мере на шесть недель, для очень важного дела. Он попросил ее не скучать в его отсутствие, а напротив, всячески стараться рассеяться, пригласить своих приятельниц, повезти их за город, если вздумается, словом, жить в свое удовольствие.

– Вот, – прибавил он, – ключи от двух главных кладовых; вот ключи от золотой и серебряной посуды, которая не каждый день на стол ставится; вот от сундуков с деньгами; вот от ящиков с драгоценными камнями; вот, наконец, ключ, которым все комнаты отпереть можно. А вот этот маленький ключик отпирает каморку, которая находится внизу, на самом конце главной галереи. Можешь все отпирать, всюду входить, но запрещаю тебе входить в

эту каморку. Запрещение мое такое строгое и грозное, что если тебе случится – Боже сохрани – ее отпереть, то нет такой беды, которой ты бы не должна была ожидать от моего гнева.

Супруга Синей Бороды обещала в точности исполнить его приказания и наставления, а он, поцеловав ее, сел в карету и пустился в путь.

Соседки и приятельницы молодой не стали дожидаться приглашения, а пришли все сами, до того велико было их нетерпение увидеть собственными глазами те несметные богатства, какие, по слухам, находились в ее доме. Они боялись прийти, пока муж не уехал: его синяя борода их очень пугала. После его отъезда они тотчас отправились осматривать все покои, и удивлению их конца не было: так им все показалось великолепным и красивым!

Добрались они и до кладовых, в которых чего только ни увидали! Пышные кровати, диваны, занавесы богатейшие, столы, столики, зеркала – такие огромные, что с головы до ног можно было в них себя видеть, и с такими чудесными, необыкновенными рамами! Одни

рамы были тоже зеркальные, другие из позолоченного резного серебра. Соседки и приятельницы без умолку восхваляли и превозносили счастье хозяйки дома, а она нисколько не забавлялась зрелищем всех этих богатств: ее мучило желание отпереть каморку внизу, в конце галереи.

Так сильно было ее любопытство, что, оставив гостей, она вдруг бросилась вниз по потайной лестнице – чуть шею себе не сломала. Прибежав к дверям каморки, она, однако, остановилась на минутку. Запрещение мужа пришло ей в голову. «Ну, – подумала она, – будет

мне беда за мое непослушание!» Но соблазн был слишком силен – никак не получалось с ним сладить. Взяла она ключ и, вся дрожа как лист, отперла каморку.

Сперва она ничего не разобрала: в каморке было темно, окна были закрыты. Но, погодя немного, она увидела, что весь пол залит запекшейся кровью, и в этой крови отражались тела нескольких мертвых женщин, привязанных вдоль стен – то были прежние жены Синей Бороды, которых он зарезал одну за другой. Несчастливая чуть не умерла на месте от страха и выронила из руки ключ.

Наконец она опомнилась, подняла ключ, заперла дверь и пошла в свою комнату отдохнуть и оправиться. Но она до того перепугалась, что никаким образом не могла совершенно прийти в себя.

Она заметила, что ключ от каморки испачкался в крови, и стала вытирать его: раз, другой, третий, но кровь не сходила. Как она его ни мыла, как ни терла, даже песком и толченым кирпичом, – пятно крови все оставалось! Ключ этот был волшебный, и не было возможности его вычистить: кровь с одной стороны сходила, а выступала с другой.

В тот же вечер вернулся Синяя Борода из своего путешествия. Он сказал жене, что в дороге получил письма, из которых узнал, что дело, по которому он должен был уехать, решилось в его пользу. Жена его, как водится, всячески старалась показать ему, что она очень обрадовалась его скорому возвращению. На другое утро он спросил у нее ключи. Она подала их ему, но рука ее так дрожала, что он без труда догадался обо всем, что произошло в его отсутствие.

– Отчего, – спросил он, – ключ от каморки не находится вместе с другими?

– Я его, должно быть, забыла у себя наверху, на столе, – ответила она.

– Прошу принести его, слышишь! – сказал Синяя Борода.

После нескольких отговорок и отсрочек она должна была наконец принести роковой ключ.

– Это отчего кровь? – спросил он.

– Не знаю отчего, – ответила бедная женщина, а сама побледнела как полотно.

– Ты не знаешь! – подхватил Синяя Борода. – Ну, так я знаю! Ты все-таки ходила в каморку. Хорошо же, ты войдешь туда еще раз и займешь свое место возле тех женщин, которых ты там видела.

Она бросилась к ногам своего мужа, горько заплакала и начала просить у него прощения за свое непослушание, изъясняя притом самое искреннее раскаяние и огорчение. Кажется, камень проникся бы мольбами такой красавицы, но у Синей Бороды сердце было тверже всякого камня.

– Ты должна умереть, – сказал он, – и сейчас.

– Коли уж я должна умереть, – промолвила она сквозь слезы, – так дай мне минуточку времени Богу помолиться.

– Даю тебе ровно пять минут, – ответил Синяя Борода, – и ни секунды больше!

Он сошел вниз, а она позвала свою сестру и сказала ей:

– Сестра моя Анна, взойди, пожалуйста, на самый верх башни, посмотри, не едут ли мои братья? Они обещали навестить меня сегодня. Если их увидишь, подай им знак, чтоб поторопились!

Сестра Анна взойшла на верх башни, а бедняжка горемычная время от времени кричала ей:

– Сестра Анна, ты ничего не видишь?

А сестра Анна ей отвечала:

– Я вижу, солнышко яснее и травушка зеленеет.

Между тем Синяя Борода, ухватив огромный ножище, орал изо всей силы:

– Иди сюда, иди, или я к тебе пойду!

– Сию минуточку, – отвечала его жена и прибавляла шепотом: – Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?

А сестра Анна отвечала:

– Я вижу, солнышко яснее и травушка зеленеет.

– Иди же, иди скорее, – орал Синяя Борода, – а не то як тебе пойду!

– Иду, иду! – отвечала жена и опять спрашивала сестру: – Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?

– Я вижу, – отвечала Анна, – большое облако пыли к нам приближается.

– Это братья мои?

– Ах, нет, сестра, это стадо баранов.

– Придешь ли ты наконец? – завопил Синяя Борода.

– Еще маленькую секундочку, – ответила его жена и опять спросила: – Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?

– Я вижу двух верховых, но они еще очень далеко. Слава Богу, – прибавила она, погода немного, – это наши братья. Я им подаю знак, чтоб они спешили как только возможно.

Но тут Синяя Борода поднял такой гам, что стены дома задрожали. Бедная жена его сошла вниз и бросилась к его ногам вся в слезах.

– Это никак тебе не послужит, – сказал Синяя Борода, – пришел твой смертный час.

Одной рукой он схватил жену за волосы, другой поднял свой страшный нож, замахнулся, чтоб отрубить ее голову... Бедняжка обратила на него свои погасшие глаза:

– Дай мне еще миг, только один миг, с духом собраться...

– Нет, нет! – ответил он. – Поручи душу свою Богу!

И поднял уже руку... Но вдруг в это мгновение такой ужасный стук поднялся у двери, что Синяя Борода остановился, оглянулся... Дверь разом отворилась – и в комнату ворвались два молодых человека. Выхватив свои шпаги, они бросились прямо на Синюю Бороду.

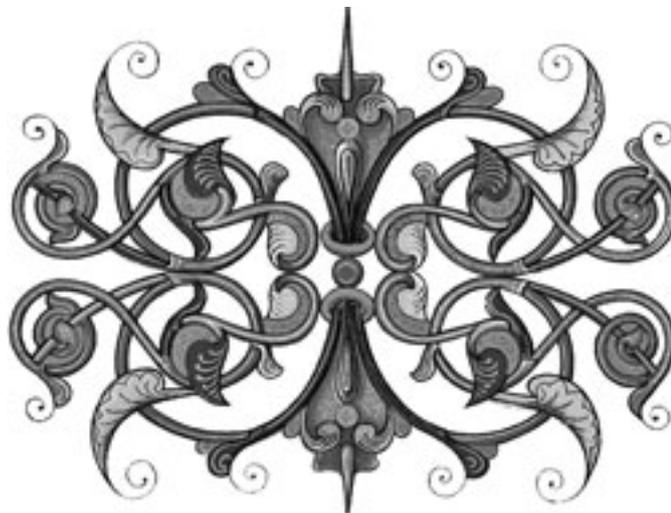

Он узнал братьев своей жены – один служил в драгунах, другой в конных егерях – и тотчас попытался улизнуть, но братья нагнали его, прежде чем он успел забежать за крыльцо. Они прокололи его насквозь своими шпагами и оставили его на полу мертвым. Бедная жена Синей Бороды была сама чуть жива: она даже не имела довольно сил, чтобы подняться и обнять своих избавителей.

Оказалось, что у Синей Бороды не было наследников, – и все его состояние поступило его вдове. Одну часть этих богатств она употребила на то, чтобы выдать свою сестру Анну за молодого дворянина, который уже давно был в нее влюблен; на другую часть она купила братьям капитанские чины, а с остальной она сама вышла замуж за весьма честного и хорошего человека. С ним она забыла горе, которое претерпела, будучи женой Синей Бороды.

Вильгельм и Якоб Гримм

Сказка о том, кто ходил страху учиться

Один отец жил с двумя сыновьями. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог. Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще оберется хлопот!» Когда нужно было сделать что-нибудь, со всем должен был один старший справляться; но зато он был робок, и, когда отец посылал его за чем-нибудь поздней порой и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах, нет, батюшка, не пойду я туда! Уж очень боязно мне».

Частенько вечером все собирались у огня, и начинались рассказы, от которых мороз по коже продирали. Слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!», но младший спокойно слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, чего все бояться: «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться. Должно быть, это одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю».

Однажды отец сказал ему:

– Послушай-ка, ты, там, в углу! Ты растешь, сил набираешься, и надо тебе научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы добывать себе хлеб насущный. Видишь, как трудится твой брат, а тебя, право, даром хлебом кормить приходится.

– Эх, батюшка! – ответил сын. – Очень бы хотел я научиться чему-нибудь. Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху, я ведь совсем не умею бояться.

Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Ничего путного из него не выйдет. Кто хочет крючком быть, тот заранее спину гни!»

Отец же вздохнул и ответил:

– Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь.

Вскоре после этого зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его младший ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится.

– Ну, подумайте только: когда я спросил его, чем он станет на хлеб себе зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!

– Коли за этим только дело стало, – ответил дьячок, – так я берусь обучить его. Пришлите-ка его ко мне. Я его живо обработаю.

Отец согласился, и дьячок взял парня к себе домой и поручил ему звонить в колокол.

Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и начать звонить, а сам думает: «Ну, научишься же ты нынче страху!»

Дьячок пробрался тихонько вперед, и, когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице очутился кто-то в белом.

Парень крикнул: «Кто там?», но ему не ответили.

– Эй, отвечай-ка! – закричал снова паренек. – Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать.

Но дьячок стоял неподвижно, чтобы парень принял его за привидение.

Опять обратился к нему парень:

– Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный малый, а не то я сброшу тебя с лестницы!

Дьячок подумал: «Ну, это ты, братец мой, только так говоришь», – и, не проронив ни звука, остался стоять словно каменный.

И в четвертый раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу.

А парень отзвонил себе в колокол, пришел домой, лег в постель и уснул.

Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила:

– Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь прямо перед тобой взошел на колокольню.

– Нет, – ответил тот, – но вот на лестнице стоял кто-то. Он не хотел ни отвечать мне, ни вон убираться, поэтому я принял его за мошенника и спустил с лестницы. Подите-ка взгляните, не дьячок ли это был. Мне было бы жалко, если бы что плохое с ним стряслось.

Бросилась дьячиха в колокольню и увидела мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет. Она перенесла его домой, а затем поспешила с громкими криками к отцу парня:

– Ваш сын натворил беду великую: моего мужа сбросил с лестницы, так что сердечный ногу сломал. Заберите негодяя из нашего дома!

Испугался отец, прибежал к сыну и выбранил его:

– Что за проказы богомерзкие?! Али тебя лукавый попутал?

– Ах, батюшка, только выслушайте меня! – ответил тот. – Я совсем не виноват. Он стоял там в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и четырежды уговаривал его ответить мне или уйти.

– Ах, – воскликнул отец, – от тебя мне одни напасти! Убирайся с глаз моих, видеть тебя не хочу!

– Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху, авось, узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит.

– Учись чему хочешь, мне все равно, – сказал отец. – Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить.

– Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему. Это я легко могу соблюсти.

На рассвете положил парень пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!»

Подошел к нему какой-то человек, услышав эти речи, и дальше они вместе продолжили путь.

Вскоре завидели они виселицу, и сказал парню спутник:

– Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей познакомились, а теперь летать учатся. Садись под тем деревом и жди ночи – не оберешься страху!

– Ну, коли только в этом дело, – ответил парень, – так оно не трудно. Если я так быстро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров, приходи только завтра рано утром сюда ко мне.

Парень подошел к виселице, сел под ней и стал дожидаться там вечера. Когда похолодало, он развел костер, но к полуночи ветер так посвежел, что парень и возле костра никак не мог согреться.

Ветер раскачивал трупы повешенных, они стукались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, но каково же им мерзнуть и мотаться там, наверху?»

Сердце у парня было доброе, вот он и приставил лестницу, влез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и усадил их всех вокруг, чтоб они могли согреться.

Но висельники сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Парень крикнул им:

– Эй, вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!

Но мертвецы сидели молча и не мешали гореть своим лохмотьям.

Тут парень рассердился:

– Ну, если вы не боитесь огня, то как хотите, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами.

И он снова повесил их на прежнее место. Потом он подсел к своему костру и заснул.

Поутру пришел к нему встреченный человек за деньгами и спросил:

– Ну что, небось, знаешь теперь, каков страх бывает?

– Нет, – ответил парень, – откуда же мне было узнать? Эти ребята, что там наверху болтаются, за всю ночь даже рта не открыли и так глупы, что позволили гореть на своем теле лохмотьям.

Тут понял прохожий, что пятьдесят талеров ему не достанутся, и сказал, уходя:

– Таких я еще не видел!

Парень тоже пошел дальше своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!»

Услыхал это извозчик, ехавший позади него, и спросил:

– Кто ты таков?

– Не знаю, – ответил малый.

А извозчик дальше спрашивает:

– Откуда ты?

– Не знаю.

– Да кто твой отец?

– Не смею сказать.

– А что ты бормочешь все время себе под нос?

– Я, видишь ли, хотел бы, чтобы меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить, – ответил парень.

– Не мели вздор! – рассердился извозчик. – Ну-ка, отправляйся со мной: я тебя как раз к месту пристрою.

Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где решили заночевать.

Входя в комнату, парень снова произнес вслух:

– Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня только страх пробрал!

Услыхав это, хозяин засмеялся и сказал:

– Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай.

– Ах, замолчи! – прервала его хозяйка. – Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый юноша перестал глядеть на белый свет.

Но парень сказал:

– Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь для этого я и пустился в путь-дорогу.

И вот, хозяин рассказал ему, что недалеко находится заколдованный замок, где немудрено страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королева-то краше всех на свете. В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся и любой бедняк ими обогатится. Много молодых людей ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся.

На другое утро явился парень к королю и говорит ему:

– Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке.

Король взглянул на парня, и тот ему так приглянулся, что он сказал:

– Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собой в замок.

Парень ответил:

– Ну, так я попрошу себе огня, столярный станок и токарный станок вместе с резцом.

Король велел еще засветло отнести все это в замок. К ночи пошел туда парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил рядом с собой столярный станок с резцом, а сам сел за токарный.

«Эх, кабы меня только страх пробрал! – подумал он. – Да видно, я и здесь не научусь ему».

Около полуночи захотел он еще пуще разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось:

– Мяу, мяу! Как нам холодно!

– Чего орете, дурачье?! – крикнул парень. – Если вам холодно, идите, садитесь к огню и грейтесь.

Едва успел он это произнести, как две большие черные кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обеим сторонам от него и уставились дико на него своими огненными глазами.

Немного погодя, отогревшись, они сказали:

– Приятель! Не сыграть ли нам в карты?

– Отчего же? – ответил он. – Я не прочь, но сперва покажите-ка мне ваши лапы.

Кошки вытянули свои когти.

– Э! – сказал парень. – Коготки у вас больно длинные! Погодите, сначала я должен вам их обстричь.

С этими словами схватил он кошек за загривок, поставил их на столярный станок и крепко стиснул в нем их лапы.

– Увидал я ваши пальцы, – сказал он, – и прошла у меня всякая охота в карты играть.

Парень убил кошек и выбросил из окна в пруд. Но когда он, покончив с этой парой, хотел было опять подсесть к огню, вдруг отовсюду, из каждого угла, начали выскакивать черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях – их становилось все больше и больше, так что парню уже некуда было от них деваться.

Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и чуть было совсем не разметали костер.

Поглядел парень с минуту спокойно на эту возню, а потом ему невтерпеж стало, и, схватив резец, он крикнул: «Брысь, нечисть окаянная!» – и бросился на них.

Одни разбежались, других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, парень снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел – и глаза стали слипаться, стало его клонить

ко сну. Оглядевшись вокруг и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» – и лег.

Но не успел парень и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку.

– Вот это ладно! – сказал он. – Да нельзя ли поживей? Трогай!

И тут понеслась кровать, точно в нее шестерик впрягли, во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз...

Но вдруг – гоп, гоп! – кровать опрокинулась вверх ножками, и на парня словно гора навалилась.

Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал:

– Ну, будет с меня! Пусть катается кто хочет!

Затем он улегся у огня и проспал до бела дня. Поутру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый.

– Жаль доброго юношу! – сказал король. Услыхал это парень, вскочил и ответил:

– Ну, до беды еще не дошло!

Удивился король, обрадовался и спросил, каково ему было.

– Превосходно, – ответил тот, – вот уже минула одна ночь, а там и две другие пройдут.

Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот глаза таращит:

– Не думал я увидеть тебя в живых. Ну что, научился ли ты страху?

– Какое там! – ответил парень. – Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надоумил меня.

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!»

Около полуночи поднялись шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче; затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека.

– Эй! – закричал юноша. – Надо бы еще половинку! Этой маловато будет.

Тут снова гомон поднялся, слышались топот и вой – и другая половина выпала.

– погоди, – сказал парень, – вот я для тебя огонь маленько раздую!

Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись, а на его месте уже сидит страшный-престрашный человек.

– Это, брат, не порядок! – сказал парень. – Скамейка-то моя!

Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его, толкнул со скамьи и сел опять на свое место.

Тогда сверху нападали один за другим еще несколько людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвые головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли. Парню тоже захотелось поиграть.

– Эй, вы, послушайте! – попросил он их. – Можно ли мне присоединиться к вам?

– Можно, коли деньги у тебя есть.

– Денег-то хватает, да шары ваши не больно круглы.

Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их.

– Вот так, – сказал он, – теперь они лучше кататься будут. Валяйте! Теперь пойдет потеха!

Поиграл парень с незваными гостями, но как только пробил полночь, все исчезло. Он улегся и спокойно заснул.

Наутро пришел король осведомиться:

– Ну, что с тобой творилось на этот раз?

– Проиграл в кегли, два талера проиграл!

– Да разве тебе не было страшно?!

– Ну вот еще! – ответил парень. – Позабавился – и только. Хоть бы мне узнать, что такое страх!

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой:

– Ах, если бы только пробрал меня страх!

Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом в руках.

– Эге-ге, – сказал парень, – да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший два года назад! – Он поманил пальцем и крикнул: – Ну, поди, поди сюда, братец!

Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец.

Дотронулся парень до его лица: оно было холодное как лед.

– Погоди, – сказал он, – я тебя маленько согрею!

Подошел парень к огню, погрел руку и приложил ее к лицу мертвеца, но тот остался холоден по-прежнему.

Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы восстановить кровообращение.

Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что можно согреться, если вдвоем лечь в постель, вот и перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним.

Немного спустя покойник согрелся и зашевелился.

– Вот видишь, братец, – сказал парень, – я и отогрел тебя.

Но мертвец вдруг поднялся и завопил:

– А! Теперь я задушу тебя!

– Что? Задушишь?! Так вот какова твоя благодарность?! Полежай же опять в свой гроб!

И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл крышкой; тотчас вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб.

– Не пробирает меня страх, да и все тут! – сказал парень. – Здесь я страху вовеки не научусь!

Тут вошел человек еще громаднее всех прочих и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой.

– Ах ты, тварь этакая! – закричал он. – Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!

– Ну, не очень спеши! – ответил парень. – Коли мне умирать доведется, так без меня дело не обойдется.

– Тебя-то уж я прихвачу с собою! – сказала чудовище.

– Потише, потише! Очень уж ты разошелся! Я ведь тоже не слабее тебя, а то еще и посильнее буду!

– Это мы еще посмотрим! – сказал старик. – Если ты окажешься сильнее меня, так я тебя отпущу. Пойдем-ка, попытаем силу!

И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю.

– Эка невидаль! Я могу и получше этого сделать! – сказал парень и подошел к другой наковальне.

Старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколот одним ударом наковальню и зажег в нее бороду старика.

– Ну, теперь ты, брат, попался! – сказал он. – Теперь тебе помирать придется!

Взял парень железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая отдать ему за это превеликие богатства.

Парень освободил старика, и тот повел его обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненные золотом, и сказал:

– Одна треть принадлежит бедным, другая – королю, третья – тебе.

В это время пробило полночь, и парень остался один в темноте.

– Как-нибудь да выберусь отсюда, – сказал он, на ощупь отыскал дорогу в свою комнату и заснул там у огня.

Наутро пришел король и спросил:

– Ну, как? Теперь-то научился страху?

– Нет, – ответил парень, – и ведать не ведаю, что такое страх. Побывал тут мой покойный двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там, внизу, кучу денег, но страху меня никто не научил.

И сказал тогда король:

– Спасибо тебе! Избавил ты замок от нечистой силы. Бери же себе мою дочь в жены!

– Все это очень хорошо, – ответил парень, – а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!

И вот, достали золото из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как ни любил свою супругу и как ни был он всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!»

В конце концов это раздосадовало молодую, а горничная сказала ей:

– Я пособлю горю! Небось, научится и он дрожать от страха.

Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пескарей.

Ночью, когда молодой король уснул, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пескарями, которые так и запрыгали вокруг него.

Проснулся тут молодой и закричал:

– Ой, страшно мне, страшно мне, жenuшка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!

Двенадцать братьев

Жили да были король с королевой. Жили они в полном согласии и прижили двенадцать человек детей – и все были мальчуганы. Вот король и говорит королеве:

– Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочка, то всех мальчишек велю убить, чтобы и богатства у нее было больше, и все наше королевство ей одной принадлежало.

Король велел заготовить двенадцать гробов, которые были наполнены стружками, и в каждый даже было положено небольшое покойницкое изголовьице. По приказу короля эти гробы были поставлены в особую запертую комнату, ключ от которой король отдал королеве и никому не велел о том сказывать.

И вот мать стала целыми днями горевать, так что меньшей сын, который был постоянно при ней (она его по Библии назвала Вениамином), как-то спросил ее:

– Милая матушка, отчего ты такая грустная?

– Милое мое дитяtko, – ответила она, – не смею я тебе этого сказать.

Однако сынок не отставал от нее с вопросами до тех пор, пока она не пошла, не отперла комнату и не показала ему двенадцать готовых гробов, наполненных стружками. И сказала мать:

– Дорогой мой Вениамин, эти гробы отец ваш приказал приготовить для тебя и для твоих одиннадцати братьев, потому что он решил: если у меня родится девочка, то всех вас он велит умертвить и в этих гробах похоронить.

Говорила все это мать и плакала, а сын утешал ее и сказал:

– Не плачь, милая матушка, мы уж как-нибудь сами о себе подумаем и сами от него уйдем.

И сказала ему королева:

– Ступай со своими одиннадцатью братьями в лес, и пусть один из вас всегда стоит настороже на самом высоком дереве, какое в лесу найдется, и смотрит на замковую башню. Если у меня родится сынок, я велю выставить на башне белый флаг, и тогда вы все сможете спокойно вернуться домой. Если же родится доченька, я велю выставить на башне красный флаг, и тогда бегите как можно скорее, и да хранит вас Бог. Каждую ночь буду вставать и молиться за вас Богу: зимой, чтобы был у вас огонек, около которого вы могли бы согреться, а летом – чтобы жара вас не сморила.

После этого она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Все они, чередуясь, влезали на высочайший из лесных дубов, и стояли там настороже, глядя на башню замка.

Вот прошли одиннадцать дней, и пришел черед лезть Вениамину. Он залез и увидел, что на башне поднят флаг – флаг не белый, а краснокровавый, всем им возвещавший смерть!

Как только услышали об этом братья, все вскипели гневом и сказали:

– Неужели мы осуждены на смерть из-за девчонки?! Клянемся же, что отомстим за себя: где бы мы ни повстречали девчонку на пути – она должна погибнуть от нашей руки.

Затем они углубились в самую чащу леса и в самой глухой лесной чащобе нашли небольшой заколдованный домик, стоявший пуст-пустехонек.

Тогда они сказали:

– Здесь мы и поселимся, и ты, Вениамин, самый младший из нас и самый слабый, должен здесь быть постоянно и заниматься хозяйством. А мы, все остальные, будем о пище заботиться.

И вот пошли они бродить по лесу и стали стрелять зайцев, диких коз, птиц и голубков – что в пищу годилось. Все это приносили они Вениамину, и тот должен был им из этого готовить обед.

Так прожили братья в этом домике десять лет, и годы протекли для них незаметно.

Доченька, которую королева родила, успела тем временем вырасти, и была она девочка предобрая и собою красоточка, а во лбу у нее горела золотая звезда. Однажды, когда в замке была большая стирка, она вдруг увидела среди белья двенадцать мужских рубах и спросила у матери:

– Чьи же эти двенадцать рубах? Ведь отцу они слишком малы.

Тогда мать с великой скорбью ответила ей:

– Милое дитяtko, эти рубахи твоих двенадцати братьев.

– Да где ж эти двенадцать братьев? Я о них еще никогда не слыхала.

Мать ответила:

– Единому Богу известно, где они теперь. Бродят где-нибудь по миру.

Затем королева взяла девочку за руку и, открыв заветную комнату, указала ей на двенадцать гробов со стружками, с изголовьями.

– Эти гробы, – сказала она, – были предназначены для твоих братьев, но они тайно ушли еще до твоего рождения.

И рассказала ей, как было дело. Тогда девочка сказала:

– Милая матушка, не плачь, я пойду и отыщу моих братьев.

И вот она взяла с собой двенадцать рубах и ушла из замка прямо в большой дремучий лес.

Шла она целый день, а под вечер пришла к заколдованному домику. Вошла в домик и встретила в нем юношу, который спросил ее:

– Откуда идешь и куда?

– Я королевская дочь, – ответила она, – и ищу моих двенадцать братьев. Я пойду хоть на край света белого, пока не найду их.

При этом указала она на двенадцать рубах, которые принадлежали королевичам. Тогда Вениамин понял, что это их сестра, и сказал:

– Я – Вениамин, младший из твоих братьев.

Девочка расплакалась от радости, и Вениамин тоже, и они целовались и миловались от всего сердца. Затем он сказал:

– Милая сестрица, тут есть некоторое препятствие... Ведь мы пообещали, что каждая девочка, с которой мы встретимся, должна будет умереть, ибо мы из-за девочки должны были покинуть наше родное королевство.

– Так что же? Я охотно умру, если смертью своей смогу освободить моих двенадцать братьев из ссылки.

– Нет, – возразил Вениамин, – ты не должна умереть. Садись вот под этот чан и сиди, пока не придут остальные одиннадцать братьев. Уж я с ними как-нибудь все улажу.

Так девочка и сделала.

С наступлением ночи вернулись братья с охоты. Уселись они за ужин и стали спрашивать:

– Что слышно новенького?

Вениамин ответил:

– Неужто вы ничего не знаете?

– Нет, – ответили братья.

– Как же это так? Вы по лесу рыщете, а я дома сижу, да более вас знаю!

– Ну, так рассказывай нам!

– А обещаете ли вы мне все, – спросил Вениамин, – что первая девочка, которая нам встретится, не будет убита?

– Да, да, – крикнули все разом, – она должна быть помилована! Ну, рассказывай!

Тогда младший брат и сказал:

– Наша сестра здесь!

Он приподнял чан – и королева вышла из-под него в своих богатых одеждах, с золотой звездой во лбу, вся такая прекрасная, нежная и стройная. И все братья ей обрадовались, бросились ей на шею, целовали ее и полюбили от всего сердца.

И вот осталась девочка вместе с братьями в их доме и стала помогать Вениамину в работе. А остальные одиннадцать братьев по-прежнему рыскали по лесу, били всякую дичь, диких коз, птиц и голубков, чтобы было им что поесть, а сестра с братом Вениамином заботились о том, чтобы им еду приготовить. Она собирала валежник на топливо и коренья на приправу, горшки на огне ворочала – и ужин был всегда вовремя на столе: когда возвращались домой ее одиннадцать братьев. Сестра наблюдала за порядком в домике, постели постилала всем чистенько и беленько, и братья были ею очень довольны и жили с ней в большом согласии.

По прошествии некоторого времени случилось однажды вот что: Вениамин с сестрой, как обычно, приготовили братьям отличное угощение, и, когда они сошлись, все сели за стол и стали превесело есть и пить.

А позади заколдованного домика был небольшой садик, и в том садике росли двенадцать лилий. Сестра задумала братьям доставить удовольствие и сорвала эти двенадцать цветков, чтобы каждому из них поднести по цветку после ужина.

Но как только она цветки сорвала, в то же мгновение ее двенадцать братьев обратились в двенадцать воронов и полетели за лес, а дом и сад – все исчезло, как не бывало.

И очутилась бедная девочка одна-одинешенька в диком лесу. Оглянулась она вокруг и увидела рядом старуху, которая ей сказала:

– Дитя мое, что же ты наделала? Зачем ты сорвала эти двенадцать белых лилий? Ведь теперь твои братья навек обратились в воронов.

Девочка ответила ей со слезами:

– Неужели нет никакого средства их спасти?

– Одно только есть средство на всем свете, – ответила старуха, – да и то очень трудное: ты должна семь лет быть немой, не должна ни говорить, ни смеяться. Если ты хоть одно слово проронишь, пусть даже до семи лет недоставать будет всего одного часа, то все твои труды пропадут, и одно твое слово убьет всех братьев.

Тогда девочка произнесла твердо: «Я точно знаю, что спасу своих братьев», – и пошла по лесу, отыскала высокое дерево, залезла на него, уселась и стала прясть. При этом она не говорила и не смеялась.

Случилось, однако же, так, что один король заехал в тот лес на охоту, а у того короля была большая борзая собака, которая подбежала к тому дереву, на котором сидела девушка, стала около него кружить и лаять. Подъехал к дереву король, увидел королевну-красавицу с золотой звездой во лбу и так восхитился ее красотой, что спросил ее прямо, не желает ли она стать его супругой. Королевна ему ничего не ответила, только головкой кивнула. Тогда король сам влез на дерево, взял ее оттуда, посадил к себе на лошадь и привез домой.

Свадьбу отпраздновали великолепно и весело, но девушка так ничего и не сказала и ни разу не рассмеялась. Вот прожили они уже два года в полном согласии, но мачеха короля, женщина злая, стала на молодую королеву нашептывать и клеветать королю: «Вывез ты из леса простую нищую, и кто ее знает, какими она безбожными делами занимается втайне от нас! Если даже она и вправду немая и не может говорить, так ведь по крайней мере могла бы смеяться. А уж у того, кто не смеется, конечно, совесть нечиста!» Король долго не хотел верить этим наговорам, однако старуха так настаивала на своем и обвиняла свою невестку в стольких злодеяниях, что король наконец дал себя уговорить и приговорил жену к смертной казни.

Во дворе королевского замка был разведен большой костер, на котором должны были ее сжечь. Король стоял у верхнего окошечка замка и смотрел сквозь слезы на все эти приготовления, потому что все же очень любил свою жену. Когда она уже была привязана к столбу на костре и пламя костра длинными красными языками стало лизать края ее одежды, истек последний миг заветных семи лет. И вот, в воздухе послышался свист крыльев, и двенадцать воронов появились над костром и опустились наземь; и чуть они коснулись земли, как обратились в братьев. Они тут же погасили пламя, отвязали сестру от столба и стали обнимать и целовать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.